П. А. НИКОЛЬСКИЙ

ОТ КРЫМСКОГО ХАНСТВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

П. А. НИКОЛЬСКИЙ

КРЫМ

ОТ КРЫМСКОГО ХАНСТВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

КРЫМГОСИЗДАТ
1929

Отдельный оттиск из книги „Крым". Симферополь, 1-я Гостиполитография.
Заказ № 2408. Крымлит № 4023. Тираж 5000,

ОТ КРЫМСКОГО ХАНСТВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

(Историко-экономический очерк)

I

Первое появление в Крыму татар относится к 1223 г., как говорит об этом одна древняя летописная запись. С этого времени начинается постепенное заселение Крыма этими выходцами из степей центральной Азии, появившимися в начале XIII в. у границ восточно-европейской равнины. Народные воспоминания говорят о том, что татары проникали в Крым отдельными ордами под предводительством родовладык-военоначальников. Вот одно из таких преданий: „предок беев (князей) Яшлавских Абак-бей-Кудалак в прошедших веках пришел в Крым от реки Волги и привел с собою подвластные ему народы, которые служили под его знаменами. В Крыму он завоевал город Кыр (Чуфут-Кале) со всеми его землями и поселился в Яшдаге, а потомки его и народ распространились в разных местах, им приобретенных"...

Хозяйственный и социальный быт татар до прихода в Европу вполне подтверждает правильность этого описания. Кочевники-татары весьма мало занимались земледелием — сеяли только в небольшом количестве просо. Основой их хозяйства было скотоводство, и это главное занятие сообщало простоту их общественному устройству. Первичным объединением у них был юрт — родственная группа людей, связанная необходимостью присмотра за скотом. В целях защиты своих стад и правильного распределения в пользовании пастбищами создавались более крупные объединения — хошун, аймак, улус или орда, которые

представляли собою не что иное, как разросшиеся в свое время юрты. Родственная, племенная связь, существовавшая между этими объединениями, придавала патриархальный характер власти стоявших во главе их старейшин. Совместное пользование имуществом и общий труд, вкладываемый всеми членами общины, обеспечивали более или менее равномерное распределение получаемых от хозяйства благ и препятствовали расчленению общества, развитию в нем острых форм эксплоатации.

Появлению татар в Крыму предшествовал длительный период объединения отдельных племен в центральной Азии, закончившийся возникновением военной монархии Чингиз-хана — в целях массового движения на запад, в поисках новых пастбищ и новых средств существования. Это вызвало перестройку общества на новый лад с подразделением на отдельные военные единицы (ман — 1.000; туман — 10.000 и т. д.). Прежняя патриархальная власть родовладыки-старейшины в этом длинном ряде военных чинов кочевой монархии стала приобретать иной, более подчиненный общей центральной власти характер. Однако, попрежнему власть предводителей отдельных племен, беев или эмиров, отличалась еще большою долей самостоятельности и несколько ограничивала власть ханов. Путешественник де-Рубрук (1253 г.) пишет: „татары поделили между собою землю от Дуная до восхода солнца, и каждый начальник знает границы своих пастбищ“; один из арабских писателей к этому добавляет: „управление этим государством находится в руках у улусных эмиров“.

Позднейшие татарские предания насчитывали в Крыму до 7 таких отдельных орд, возглавляемых беями. Кроме того, в степной части, за Перекопом, кочевало их еще несколько, позднее известных под именем ногайских татар. Различие физико-географических условий материковой части и полуострова, а также влияние на татар в Крыму сохранившихся в горной его части народностей отразилось и на судьбе этих татарских поколений. Ногайские татары до позднейших времен, вплоть до XIX века вместе с формами первобытного пастушеского хозяйства сохранили почти без перемен и формы древнего родового уклада жизни и с трудом поддавались всяким внешним влияниям. Иначе протекала история собственно крымских татар.

Появление татар на полуострове почти совпало по времени с тем моментом в развитии европейской торговли, когда она стала искать связей с востоком через северный залив Средиземного моря — Черное. море. Крым весьма скоро сделался узлом, связавшим караванные дороги, проходившие по владениям золотоордынских ханов с морскими путями европейских купцов. Здесь в это время появляется ряд итальянских (генуэзских и венецианских) колоний и вскоре весь юго-восточный берег подпадает под власть генуэзцев. Вблизи побережья, на месте нынешнего Старого Крыма вырастает торговый город Солхат — местопребывание наместника хана, вероятно, из числа местных беев. Здесь скрещивались две дороги — одна из Хиверезма (нынешней Хивы) через столицу Золотой орды — Сарай, другая с С.-З. от Днепра. На рынке Солхата генуэзские купцы приобретали кожи, меха, шелк, пряности и невольников. В XIV веке это был богатый и большой город. Его торговое значение в значительной мере содействовало тому, что он стал на Крымском полуострове духовным центром мусульманства — религии, выросшей на почве развития торгового капитала среди кочевых народов Аравии и распространившейся на всем пространстве восточных торговых путей.

Наряду с развитием торговли и влиянием мусульманской культуры на крымских татар действовали и природные факторы. Недостаточность территории Крыма для кочевья и естественный прирост населения прежде всего должны были произвести изменения в их быте. Резче обозначились границы владений отдельных групп, прежние кочевые общины начали оседать на определенных местах, превращаясь в общины сельские, причем скотоводство все-таки продолжало играть исключительно важную роль. В то же время постоянное соприкосновение с сохранившимся туземным населением Крыма, — греками, армянами готами и пришлыми генуэзцами начало содействовать распространению среди татар хлебопашества в больших размерах, виноградарства и отчасти садоводства. В новых условиях оседлого быта земля стала приобретать большее значение, а вместе с тем повышалось значение и власть тех, кто считал себя ее обладателями, т. е. беев, предводителей племен.

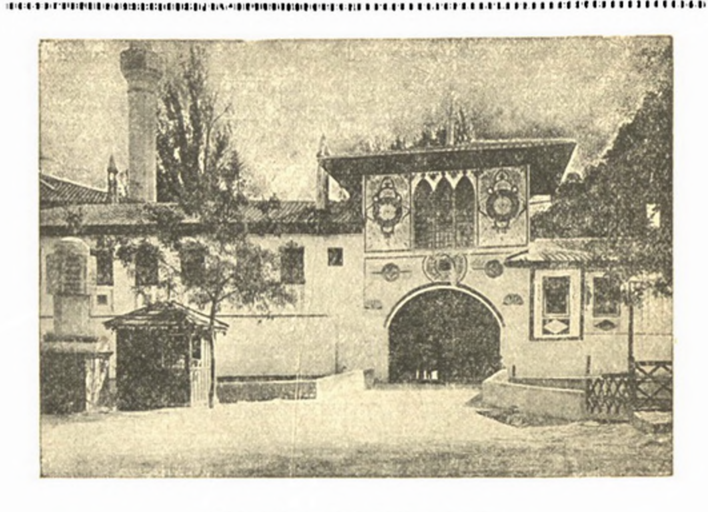
Зависимость Крыма от Золотой орды продолжалась до конца XIV века, когда во всей силе сказались последствия событий, совершившихся в средней Азии — там в Самарканде образовалась монархия Тимура, разгромившего Астрахань и Сарай — главные центры Золотой орды, и давшего иное направление восточной торговле. Экономически оторванный теперь от Азии Крым в конце этого века и политически обособился от Золотой орды: начался новый период истории Крыма — непродолжительной самостоятельности крымского ханства, а затем, вассальной зависимости его от Турецкой империи, разгромившей генуэзские колонии и Мангупское княжество и овладевшей южным побережьем Крыма.

Политическое развитие крымского ханства, несомненно, стояло в связи с укреплением оседлого быта и разложением племенного строя. Интересно, что позднейшие татарские предания приписывают именно первым ханам почин в деле насаждения прочного землевладения: „Сахыб-Герай - хан,— говорится в одной рукописной истории — приказал поломать телеги, служившие жителям Крыма для переездов, и назначил всем постоянные места жительства, дав каждому достаточное количество земли и приказав строить дома и деревни на пространстве полуострова крымского...“ Действительно, наряду с ростом ханской власти шло выделение из сравнительно однородной племенной массы господствующего дворянского класса и появление крупного землевладения. Ханская власть давала юридическое обоснование землевладению крымских беев, права которых до сих пор покоились на старых патриархальных обычаях. В то же время, оплачивая услуги служилых людей, так называемых, капу-халков, пожалованием земли из числа государственных или же своих личных она увеличивала размеры этого крупного землевладения и содействовала росту дворянского класса. Тот же процесс развития дворянского (мурзинского) землевладения происходил и на территории прежних крымских княжеств (бейлыков): обширные пространства племенной земли, по мере разрастания бейских родов, дробились в руках обособлявшихся фамилий на целый ряд отдельных вотчин.

Мусульманство, проникая, по мере своего распространения в Крыму, все глубже в основы народной жизни, давало религи-

озное обоснование этому процессу. Выставляя ханов наместниками аллаха и пророка его на земле, оно утверждало и делало священным в глазах народа присвоенное ханами право раздачи земель в частные руки. Помимо этого. оно само по себе содействовало росту крупного землевладения, сосредоточивая в руках духовенства обширные пространства земель, посредством вакф'а — религиозного обычая передачи имущества мечетям для разного рода богоугодных целей.

Таким образом, развитие в Крыму государственной ханской власти совпадало с ростом дворянского и духовного крупного землевладения и обезземеливаньем народной массы. Однако, живучесть старых патриархальных понятий, обусловленная медленным темпом хозяйственного развития края и находившая себе отзвук в религиозном учении мусульман, налагала особый отпечаток на характер отношений между двумя обозначавшимися классами общества: эксплоатация обезземеленной массы народа, жившей на земле привилегированных владельцев, даже в последние времена ханства никогда не достигала размеров, равных западным странам и России. Поселяне, жившие на частных землях, независимо от того, принадлежали ли они хану, беям, мурзам или духовенству, оставаясь лично свободными, были обязаны уплачивать хозяевам земли одну десятую часть продуктов и отбывать определенную барщину, которая не превратилась в крепостное право и даже до конца XVIII в. определялась не свыше восьми дней в году. Этот незначительный размер ее зависел, с одной стороны, от небольшого развития владельческого хозяйства, построенного к тому же, главным образом, на скотоводстве, и с другой — от той роли, какую, отчасти, играл в нем подневольный труд многочисленных в Крыму военнопленных рабов. Мало того, наряду с массой безземельного населения, существовала в Крыму, особенно в горной его части, и мелкая поселянская собственность: в стране, где земледельческое хозяйство с трудом преодолевало навыки обычного скотоводства, на огромных пустырях бейских и мурзинских поместий, крестьянин, приложивший свой труд к земле, не мог не чувствовать себя владельцем этой земли, а „благородные“ собственники ее не находили достаточных поводов и оснований препятствовать

Ворота Бахчисарайского дворца.

появлению этих мелких владельческих участков. К тому же и ислам учил, что „обновивший землю, ею и владеет".

В соответствии с особенностями хозяйства края, носившего еще в основном характер натурального, складывалась и государственная форма крымского ханства. На всем протяжении своего существования она никогда не могла вырасти до степени вполне централизующей государственной силы: Крым до конца XVIII века носил в себе определенные черты феодальной монархии. Потомки старой родовой аристократии, крымские беи, а также и наиболее сильные представители нового служилого класса. являлись не только хозяевами живущего на их земле населения, но обладали в отношении его и государственными правами: суда, взимания податей, административного управления и предводительства на войне. Значение некоторых из этих фамилий и их самостоятельность простирались еще и дальше: иные из них входили в сношения мирные, а иногда и военные с соседними государствами, не прибегая для того к одобрению ханской власти. Ханское правительство вынуждено было признавать все эти права своих вассалов, в подтверждение чего

выдавало ярлыки соответствующего содержания. В них читаем, напр., следующее: „вручая (такому-то) сие высочайшее ханское повеление, повелеваем управлять имениями, составляющими бейлык, до самой своей смерти... распоряжаться всеми фамилиями (его) рода и прочим населением, ограждать права, а равно собирать с бейлыка всякого рода доходы. Все мурзы (подчиненные ему) и прочие подданные, признав его эмиром, должны обращаться к нему и исполнять его требования, следовать за ним, едет ли он верхом, идет ли пешком (т. е. на войне и в мирное время)".

Пышные предисловия подобных ярлыков, которыми ханы прикрывали бессилие своей власти, вроде следующего: „милости наши взволновались, как море, и солнечные лучи разошлись по вселенной от восторга, т. к. у нас появилось желание оказать покровительство и выдать этот ярлык — знак счастья и образец изящества" и т. д. никого не могли обмануть: власть этих крупных вассалов хана, составлявших совместно с некоторыми высшими правительственными чиновниками государственный совет — диван, весьма сильно ограничивала права власти ханской и препятствовала ее дальнейшему развитию. Все наиболее важные государственные дела „не ханами делаются, но нами ближними людьми, великими беями и мурзами", говорил один из них русскому послу, а историк из ханского рода Гераев такими безотрадными красками характеризовал положение носителей центральной власти: „Из боязни за собственное благополучие ханы не решаются поступать вопреки праву беев и мурз, даже и виду в этом не показывают. Скапливаемые ими деньги и благосостояние отдают им; живя под тенью их охраны и мороча головы татарских народцев, тоже как бы носят ханское звание: да и можно ли иначе быть падишахом?" Справедливость последнего замечания как нельзя лучше подтверждается фактами крымской истории, в которой отмечен целый ряд революционных выступлений против неугодных ханов крымской знати, которая „стремительным вихрем восстания разметала пшеницу их (ханов) услады и комфорта".

Неустойчивость ханской власти в значительной степени зависела от характера вассальной зависимости ее от Турции.

В своих империалистических стремлениях последняя постаралась сделать из Крыма такой же военный оплот на крайнем севере своих владений, который по ту сторону степи стихийно образовался на границе польской и русской в лице запорожских и донских казаков. Этого достигнуть было довольно легко, т. к. слабое хозяйственное развитие края побуждало военную знать видеть в военной добыче и денежных подарках турецкого султана законный источник своего благосостояния. Постоянные войны на Балканском полуострове и северном Кавказе, набеги на Польшу и Русь поддерживали существование феодализма в Крыму, и крымские беи и мурзы до конца XVIII века оставались такими же рыцарями-разбойниками в степях восточной Европы, какими на большой дороге в свое время были феодалы Запада.

В отношении собственно ханов турецкое правительство вело весьма коварную политику — оно держало постоянно при себе несколько крымских царевичей, страстно желавших „отведать халвы властительства". Если хан уклонялся от исполнения турецких требований, ему грозила замена одним из этих претендентов, всегда находивших себе поддержку в среде своевольной крымской знати. Но дело редко доходило до военных столкновений, и, обыкновенно, ханы, как только „шум страшного ветра отставки и отрешения разметал листы их благополучной жизни, немедленно для удаления от пределов Крыма надевали узду поспешения на ветробежного коня отправления", т. е., сев на корабль, покидали Крым.

Устойчивость крымского феодализма, основывалась, главным образом, на слабом развитии в хозяйственной жизни края основных факторов, разлагавших повсюду этот общественный строй: развития промышленности и торговли, роста и накопления капиталов. Образование Турецкой империи, нанесшей весьма крупный удар европейской торговле, в достаточной мере неблагоприятно отразилось на судьбе Крыма, затормозив его экономическое развитие. Правда, бывший центром генуэзской торговли в Крыму г. Кафа (ныне Феодосия) и под турецким владычеством сохранял свое торговое значение, а по соседству с утратившим свое прежнее значение Старым Крымом возник новый

торговый город Карасубазар, складочное место вывозимых из Крыма продуктов: шерсти, кожи, масла, селитры и отчасти хлеба. Однако самый характер крымской торговли ясно обнаруживал ее недостаточное развитие: с одной стороны, в Крым ввозились, преимущественно, предметы роскоши и искусства, все то, что удовлетворяло вкусам и было по карману крымской знати и весьма мало того, что служило бы для удовлетворения потребностей простого народа, что вполне понятно при господстве натурального хозяйства. С другой стороны, все эти товары, равно как и предметы вывозной торговли, проходили, в большинстве случаев, через руки или иностранных купцов или же, хотя и местных жителей, но принадлежавших к иным народностям Крыма — караимам, армянам, грекам. Таким образом, широкие круги населения не были затронуты этими довольно значительными торговыми оборотами, торговый капитал как национальная сила находился еще в первичной стадии зарождения и не приобрел еще серьезного общественного значения. Это определяло и двойственное отношение к нему центральной власти — то покровительственное, носившее на себе печать государственной политики, то чисто хищное, характерное для неразвитого еще сознания феодальных владельцев.

Крымская промышленность стояла также на примитивной ступени развития кустарного ручного труда. Развившись из потребностей несложного скотоводческого хозяйства, это ремесленное производство при ограниченном еще рынке приняло форму замкнутых цеховых организаций, которые подробно нормировали условия труда и сбыта и с успехом защищали свои интересы от притязаний еще слабого торгового капитала. Главным средоточием обрабатывающей крымской промышленности являлись наиболее крупные города: Карасубазар — с населением в последние дни ханства в 40.000 чел. и столица ханства Бахчисарай с его 25.000 жителей. К числу наиболее развитых видов производства принадлежала выделка кожевенных изделий и обработка металлов, главным образом, холодного и огнестрельного оружия, служившего не только местным потребителям, но и экспорту.

В связи с ростом и увеличением своего социального значения торгово-промышленное население городов с конца XVII века

стало постепенно освобождаться от опеки местных феодалов и получило права собственного судопроизводства, в лице особых городских судей и административного управления.

Оставаясь в области хозяйственной и социальной своеобразным пережитком феодальных форм жизни, крымское ханство и в культурном отношении носило на себе печать средневековья. Науки и просвещение находились здесь в полном подчинении религии. Высшее училище в Бахчисарае — медресе давало вполне законченный курс богословского образования, основой которого было изучение Корана. Вокруг этого стержня группировались другие науки: арабский язык, необходимый для чтения Корана, законоведение, как извлечение и дальнейшее развитие его моральных предписаний, арифметика и астрономия, необходимые для понимания мусульманского календаря, риторика, логика и философия, проникнутые тем же религиозным духом. Низшее образование, заключавшееся только в уменьи читать и писать, находилось исключительно в руках мулл.

Национальный вопрос и в ханское время, как и теперь, имел в жизни Крыма серьезное значение. Этнография Крыма и тогда была достаточно пестра. В нем проживали греки и огречившиеся потомки готов, армяне, караимы и крымчаки. В массе своей греки и, отчасти, армяне принадлежали к земледельческому населению, в руках караимов сосредоточивалась, главным образом, торговля, крымчаки, как и ныне, были преимущественно ремесленниками. В городах эти народности проживали в специальных кварталах, бахчисарайские же караимы были вынуждены проживать за городом, в соседнем Чуфут-Кале. Согласно общему духу средневековья все эти народности занимали вполне определенное место, как бы отдельного сословия, в своих хозяйственных и политических отношениях более бесправного, чем остальное мусульманское земледельческое и торгово-промышленное население, однако, не терпели от татар каких-либо особых притеснений. В культурном отношении, в особенности, в отношении языка и бытовых навыков, они все больше и больше подпадали татарскому влиянию, постепенно утрачивая свой национальный облик.

Вторая половина XVII века была временем резкого изменения в исторической судьбе крымского ханства. Перевес, какой оно

имело в отношении двух северных, постоянно враждовавших между собой государств, Москвы и Польши, с этого времени начинает падать, и политические успехи Москвы создают для Крыма постоянную угрозу. Все чаще ему приходится терпеть от набегов донских и запорожских казаков, которые грабят побережье, рискуют нападать на приморские города, а иногда проникают и в глубь полуострова. В конце века русские государственные войска впервые доходят (походы Голицына) до Перекопского перешейка, в половине следующего (походы Миниха и Ласси) проникают в самый Крым, достигают столицы ханства Бахчисарая, а спустя 36 лет по Кучук-Кайнарджийскому договору Крым объявляется независимым от Турции государством с тем, чтобы спустя несколько лет, т. е. в 1787 г. оказаться вполне присоединенным к России.

II

Потеря татарами своей самостоятельности сопровождалась целым рядом крупных общественных потрясений — войнами, вторжением противника в пределы полуострова, междоусобной борьбой партий — русской и турецкой, что внесло большую разруху в хозяйственную жизнь страны. В то время, пока окончательная судьба Крыма еще не определилась, русское правительство настояло на выходе из пределов Крыма всего христианского его населения, предоставив ему места для поселения на севере Азовского моря, в нынешнем Мариупольском округе.

Таким образом, Крым лишился около 40.000 трудового земледельческого и торгово-промышленного населения. Однако, еще более тяжелые последствия имел массовый выход татар.

Татарская эмиграция в Турцию, стихийно возникшая под тяжестью новых условий жизни и гнетом военной диктатуры первых лет по присоединении Крыма, приостановилась только в первых годах XIX века и в конечном итоге своем дала сокращение населения до 75% своего первоначального количества.

Крым опустел и дал широкие возможности для проникновения сюда нового этнографического элемента.

Эмиграция затронула глубоко все классы общества, однако, татарское дворянство сумело пойти по линии наименьшего

сопротивления и найти единство своих классовых интересов с интересами пришлых русских дворян-помещиков.

Русская дворянская колонизация обусловливалась всем строем дворянско-крепостнической монархии, какой была в то время Россия. Уже в первые годы по присоединении Крыма правителями края, Потемкиным и Зубовым, было роздано свыше 380.000 гектаров земли разного рода дворянам-владельцам: государственным сановникам, чиновникам края, гражданским и военным, случайным лицам, близким или рекомендованным кем-либо вершителям местных судеб. Этот новый тип владельцев принес в Крым совершенно чуждые ему юридические понятия и крепостнические привычки, ложившиеся тяжелым бременем на оставшееся в Крыму население.

Русское законодательство того времени не знало иного вида земельной собственности, кроме государственной и дворянской, и потому первый удар со стороны новых порядков был нанесен мелкой собственности трудового населения как личной, так и общественной. Новые владельцы, получив под видом пустопорожних земли ханские, государственные или выехавших за границу мурз, не хотели признавать существовавшей среди них крестьянской собственности, к тому же весьма редко подкрепленной письменными документами. Наряду с этим и мурзаки— татары-помещики, старались использовать этот переходный момент, понуждая, крестьян-татар показывать свои земли мурзинскими, якобы в ограждение их от захвата русскими, а потом утверждали эти земли в свою собственность. По всему Крыму стоном стоял вопль трудового населения против захватных претензий привилегированного сословия. „Ныне как старые, так и новые помещики,—читаем в одной крестьянской жалобе,— самоуправно взявши у нас собственную землю и другие угодья, не только ими владеют, но еще и заставляют нас работать, сколько им угодно...“

Таким образом, крепостнические взгляды, принесенные в Крым русскими помещиками, не только создавали широкую практику обезземеливанья крестьянской массы, но и в корне изменяли хозяйственные взаимоотношения, существовавшие раньше между крестьянами и помещиками в Крыму. Патриархальная

десятина — $1/_{10}$ часть продуктов, отдаваемая помещикам, и 8—10-дневная в году барщина, бытовавшие в ханстве еще с незапамятных времен, не соответствовали взглядам русского крепостника-дворянина, привыкшего бесконтрольно пользоваться трудом своих крепостных, и поэтому протестовавшего против узаконения „этой малой повинности поселян, которая может послужить лишь к возбуждению лености, всегда вредной...“ Отсюда естественно вытекало стремление помещиков развить как можно шире формы эксплоатации сидящего на отведенной им земле населения.

Первоначально довольно радужные надежды, существовавшие среди пришлых помещиков, на быстрое восстановление разрушенного крымского хозяйства, неприязненное отношение их к „ленивым“ татарам и к отсталым формам крымского земледелия содействовали среди крымского дворянства возникновению взгляда о необходимости поголовного выселения татар из Крыма или, хотя бы, из горной его части. Эти взгляды сохранились в целом ряде поданных дворянами проектов „о приведении Крыма в цветущее состояние“. Однако, им так и не суждено было выйти из области пустых мечтаний, так как, почти за полным отсутствием в Крыму иной рабочей силы, кроме татар, помещикам не на кого было опереться в своем хозяйстве.

Формы туземного хозяйства в Крыму в степной и горной полосе были различны. Татарско-ногайское хозяйство степной полосы, хотя и давно оседлое, было довольно таки первобытным. Главным основанием его было скотоводство — разведение овец, верблюдов и, у ногайцев особенно, лошадей. Скотоводство это велось самым примитивным образом, безо всякой „заборы“, так что в холодные зимы стада подвергались всегда большой опасности. В зиму 1812 года, например, в течение нескольких дней в Таврических степях погибло 660 верблюдов, 70.760 лошадей, 153.702 головы рогатого скота и 772.824 овец. Кобылье и овечье молоко вместе с „толокном“, т. е. грубой кашицей из пшена являлось главной пищей местного крестьянского населения. Однако, и земледелие играло некоторую роль в его хозяйстве: посевы яровой пшеницы, проса, ячменя производились здесь в таком количестве, что Феодосийские и Евпаторийские купцы —

караимы и перекопские армяне, каждый год выезжали в степи, чтобы скупать излишки зерна в татарских и ногайских аулах.

Вот как описывает татарское земледелие один из наблюдателей крымской жизни в начале века: они обыкновенно пашут плугами, запрягая в них по 8—10 тощих волов, и приэтом многие места остаются невозделанными или, по местному названию, целинами. Бороны без зубьев, состоящие из колючего хворосту, прикрепленного к бревну, почти не выполняют своего назначения, так как не разбивают комьев и только сглаживают почву, точно метла. Посев также совершается довольно небрежно. Собирание хлеба различно: в степной полосе косят, на полуденном берегу жнут, мнут в кучки „басами" и тут же в поле обмолачивают. Молотят они лошадьми, обминая в день парою до 180 снопов, благодаря чему много зерен остается в соломе. Замечательны особенно их мельницы в квадратную сажень объемом, на высокой ножке, часто переносимые с одного поля на другое. Зерна для хранения, исключая приморской полосы, где существуют амбары, кладут в вырытые и обожженые ямы, закрывая их сверху досками или жердями, а потом покрывая соломой и заравнивая землею.

Совершенно иной характер имело туземное крестьянское хозяйство в горной части полуострова: татары среди лесов высекали поляны, называемые, обыкновенно, „чаирами", и разводили здесь свои сады, шелковичные или ореховые плантации. Виноградники спускались свободно по всем южным склонам Крымских гор и вились близ домов, по чинарам, тутовым и другим садовым деревьям. Кроме весьма небольшого хлебопашества, главным образом посевов льна, крестьяне занимались еще скотоводством, разводили овец, буйволов и отличных, очень выносливых горных лошадей. Весьма искусно они пользовались обилием горных ручьев: везде у них были фонтаны или бассейны, а речки были обращены на поливку садов и табачных плантаций. Случалось, что и при посевах льна крестьяне пользовались искусственным орошением. Большинство их селений было расположено по скату гор, благодаря чему все жилища были приперты к скале и имели только три стены, покрытые плоской крышей. Несколько типичных таких селений сохранилось и

доселе в приморской части Крыма. Плоская кровля этих хижин устраивалась всегда так, чтобы не пропускать воды; она содержалась всегда в чистоте и являлась существенной частью дома: на ней сушились, обыкновенно, плоды, зерновой хлеб и т. п. Пилав из рису или пшена с бараньим жиром, туземные маслины, баранина ввиде шашлыка в соусе с виноградными листьями или луком, пресные лепешки вместо хлеба — составляли их пищу. „Каймак“ — жирные и сладкие сливки из овечьего молока представлял собою главнейшее лакомство. Лошадям давали они ячмень вместо овса; овцы их о сене не имели и понятия, козы свободно бродили по горам, истребляя половину молодых лесов.

Эти первобытные формы степного и своеобразные — условия горного хозяйства невольно поражали привычных к другим условиям русских помещиков. „Нельзя без сожаления видеть, — писал русский путешественник того времени, — с каким пренебрежением крымский татарин относится к дарам своей щедрой природы. Он не позаботится о скоте своем, составляющем главное его имущество, не удобрит нив и не подумает ни о каком новом изобретении. Вознегодует читатель, услыша, что в эту страну, населенную одними земледельцами, привозят из степей заперекопских, из Украины и даже из Великороссии коровье и постное масло, пшеницу, крупы, крупичатую муку, кожи, полотна, толстые сукна, цыновки, веревки и т. п. Все это от лености избалованных татар, которые, находя у ног своих разметанный бисер, не желают наклониться, чтобы его собрать“.

Однако, появление в Крыму этих новых помещиков, так презрительно отзывавшихся о хозяйстве крестьян-татар, в общем мало отразилось на производительности края, особенно северной его части. Попрежнему тот же местный крестьянин со всеми своими хозяйственными навыками оставался работником земли, а помещик-паразит, завладевший его землей, старался только о том, чтобы как можно больше извлечь от него выгоды. Большие помещичьи владения, измеряемые сотнями, а иногда и тысячами десятин земли, только так и могли обрабатываться. Найти другую рабочую силу — перевести ли своих крепостных из Великороссии, Украины, купить ли, в конце концов, на вывод за деньги, большинству помещиков было не под силу. Крепостная

помещичья колонизация таким образом развивалась весьма слабо, и спустя десятки лет, к моменту издания манифеста 1861 года во всем Крыму всех крепостных крестьян вместе с дворовыми насчитывалось немногим более 5.000 человек. Правда, многие помещики не затруднялись принимать к себе на работу беглых крепостных и государственных крестьян, уходивших в Новороссийские степи и Крым из центральных и, главным образом, украинских губерний, однако, их было и недостаточно да и пользоваться ими было не всегда удобно — ведь получили же в 1827 г. высочайший выговор генерал-губернатор Новороссии, владелец Алупки гр. Воронцов, таврический губернатор Нарышкин, владелица Кореиза кн. Голицына, директор Государственного Никитского Сада за то, что в своих имениях широко пользовались трудом беглых крестьян. Юридически беззаконный этот труд первых выселенцев на юг русского трудового населения не мог играть существенного значения в силу своего характера, подверженного всяким случайностям: полулегальное положение беглых было до крайности тяжелым и, напр., те 300 человек из-за которых сиятельные владельцы южнобережских имений получили легкий выговор, при первом известии о готовившейся из Петербурга ревизии, своими же хозяевами были переданы полиции и сосланы в Сибирь.

Несколько иную роль сыграли помещичьи капиталы и инициатива в южном горном Крыму. Прекрасные природные условия его привлекали особенное внимание русских помещиков. Правда, дикий горный край с весьма трудными и неудобными путями сообщения в первые десятилетия не позволял сильно развиться здесь помещичьей колонизации. Там, где сейчас пролегают прекрасные шоссейные дороги, существовали лишь еле доступные узкие тропинки, не допускавшие почти нигде езды на телегах, а только верхом. Тем не менее уже с начала XIX столетия на Южном берегу стали появляться одна за другой помещичьи усадьбы. Естественные условия местности требовали здесь больших капиталов, и первые случайные захватчики земли скоро уступили места наиболее денежным и знатным дворянским фамилиям, среди которых первое место принадлежало графу Воронцову. Будучи генерал-губернатором всех Новороссийских

губерний, он не только сделался обладателем нескольких прекрасных имений, но воспользовался своей властью для того, чтобы улучшить пути сообщения — покрыл Южный берег целой сетью прекрасных дорог, содействовал превращению деревни Ялты в город и т. п. Благодаря большим денежным средствам этих новых владельцев со сказочной быстротой вырастали прекрасные усадьбы, разбивались обширные парки, виноградники. Для виноградников выписывались из-за границы лучшие лозы, для парков — разные деревья и растения, а для того, чтобы ходить за ними — иностранцы-специалисты. Среди южнобережских татар сохранилась память об этом быстром росте крупных помещичьих хозяйств. Существует легенда о том, как один из жителей Алупки, когда она была пустынной глухой деревушкой, отправился в Мекку на обязательное для каждого мусульманина поклонение гробу Магомета. Путешествие это по тогдашним условиям передвижения продолжалось, обыкновенно, несколько лет. Усталый и измученный долгими странствованиями он возвратился, наконец, домой. Когда ладья его подплыла уже совсем к берегу, и он бросил жадный взгляд на свою родную Алупку, то не узнал ее и сначала подумал, что его привезли в другое место. После долгих колебаний решился он выйти на берег и с трепетом вступил в прекрасный чудный парк. Пилигрим-татарин шел, смотрел, недоумевал, во сне ли он или на яву. Когда же он вышел на площадку перед роскошным дворцом Воронцова, то окончательно остолбенел от изумления и решил в уме, что аллах помутил его рассудок...

Однако, наряду с подобными этой легендами народная память сохранила еще больше воспоминаний о случаях насильного захвата земель, а главным образом, лишения воды, отвода источников, произведенных этими новыми предприимчивыми владельцами. Часто целые деревни лишались воды, перенятой помещиками и направленной на их собственные виноградники и огромные парки.

Деятельность новых помещиков значительно оживила хозяйственную жизнь Южного берега.

Однако, как ни ценны были все эти нововведения, передававшие конечно, и местному крестьянству лучшие навыки в ведении

хозяйства, однако, самый характер дворянских имений носил в себе много препятствий к дальнейшему процветанию края. „В такой стране, как Южный берег, пригодной для табаководства, виноградарства и садоводства, только мелкое трудовое хозяйство в состоянии вполне производительно разрабатывать почву. Богатые же южнобережские помещики, владевшие, обыкновенно, и в других местах крупными имениями, слишком много уделяли внимания декоративной стороне имения, часто хотели устроить здесь только свои увеселительные резиденции. Как ни прекрасны были эти парки, но от них не было особенной прибыли населению. Они требовали массы воды, этой драгоценности на юге, которая непроизводительно терялась в журчаньи разных фонтанов и каскадов, в поливке газонов и цветников. Обильнейшие же воды и годные для обработки земли, таким образом, отвлекались от целей хозяйства и пропадали напрасно, а местное крестьянское население должно было идти в кабалу к крупным помещикам" (Е. Марков).

Итоги правительственной колонизации в Крыму в первой половине XIX века также не были особенно велики. Первыми поселенцами здесь были отставные солдаты, обеспеченные правительством не только землею, но и семейством, для чего принудительным порядком было пригнано для них из центральных губерний потребное количество незамужних женщин. Таким путем созданы деревни Петровское, Зуи, Мазанка, Изюмовка. Затем возникло несколько селений государственных крестьян. В то время, как вольная, хотя и нелегальная колонизация беглых заносила на юг, главным образом украинцев, эта правительственная крестьянская колонизация водворяла в Крыму великорусский элемент, растворившийся затем в усилившейся украинской волне, перенявший более рациональные в степной полосе украинские хозяйственные и бытовые навыки.

Второе направление правительственной колонизации — водворение в Новороссийских степях и Крыму выходцев из-за границы — греков, болгар, немцев, менонитов и др. для жизни края имело большее значение в хозяйственном отношении. Среди них, особенно у болгар и немцев, существовали улучшенные формы ведения хозяйства.

Вот как описывает их один современник: „Весьма деятельное и довольно улучшенное сельское хозяйство развилось у колонистов-болгар. Они далеко оставили за собой сельскую рутину украинцев. Сеяли они оба сорта ржи, озимую пшеницу, арнаутку. Вместе с этим у них процветало виноделие, садоводство и в особенности огородничество. Лет двадцать назад капуста и другие огородные овощи были столь же редки на рынке, как и китайские розы. Теперь же, главным образом, благодаря болгарам, городские базары полны отличной зеленью: и не одни только арбузы, дыни да огурцы появляются здесь, а капуста огромных размеров, двух- или трехфунтовые свеклы, помидоры, баклажаны, разного рода нежные тыквы и т. п. Но лучшее и самое успешное рациональное хозяйство наиболее прочно основано у менонитов и затем у других немецких колонистов. Как двигательную силу, все вообще немцы употребляют преимущественно лошадей, землю обрабатывают с особенным старанием, употребляя даже удобрение; имеют все улучшенные сорта рогатого скота и овец и хорошие заграничные земледельческие орудия, но для целины употребляют немного лишь улучшенный украинский плуг. Дома их каменные прекрасно выстроенные. Некоторые из них разводят стада мериносов, имеют молочные заведения, иные занимаются разведением богатых фруктовых садов и виноградников. Во многих колониях принята четырехпольная система севооборота с удобрением пара".

Этот исключительный характер ведения хозяйства, резко отличавшийся от хозяйства русских и татарских крестьян, объяснялся двумя основными причинами. Колонисты были весьма солидно наделены правительством землею и пользовались целым рядом привилегий, дававших им известное самоуправление и обеспечивавших от произвола чиновников.

Как ни скромны были в общем итоги этой первой колонизационной волны, вполне понятные в условиях государства, скованного крепостными отношениями, экономически и технически отсталого, однако первая половина XIX века для Крыма была временем, хотя и медленного, но постоянного роста его населения и укрепления хозяйства края. Однако, вместе с тем усиливались и противоречия социального и экономического порядка,

определившиеся еще в первые дни подчинения Крыма русской империи. Неудачная война 54, 55-го годов, всей тяжестью своей обрушившаяся на Крым, обнаружила всю гибельность этих противоречий, разрешавшихся новым и весьма тяжелым для жизни Крыма выселением татар в Турцию. Это выселение загронуло степных (включая сюда и живших за Перекопом ногайцев) и часть предгорных татар, находившихся в особенно тяжелом положении: под гнетом захватнической земельной политики дворянской империи они почти поголовно оказались безземельными, и их земля — принадлежащей помещикам—русским, грекам, караимам и татарским мурзам. Все эти помещики самым беззастенчивым образом эксплоатировали крестьян: за право жить и работать на помещичьей земле крестьяне несли очень тяжелые повинности. Прежде всего помещики требовали от них бесплатной работы в самую горячую пору. Обыкновенно эта барщина колебалась между 9—15 днями, но очень часто, кроме этих договорных дней работы, помещики требовали от татар еще столько рабочих дней, сколько нужно было для уборки всех владельческих полей. Это было тем легче сделать, что никаких письменных условий при сдаче татарам земли в аренду не делалось, а потому и спорить с помещиком о количестве рабочих дней было трудно. Помимо этого каждая татарская деревня должна была вспахать для помещика землю из расчета один баштан (2,5 десятины) на каждый имеющийся в деревне плуг, засеять ее зерном помещика, собрать жатву, вымолотить и, наконец, свезти все зерно в указанное помещиком время в один из ближайших городов.

Со своей собственной жатвы татары уплачивали обыкновенно $^{1}/_{10}$ часть урожая, со скошенного сена 2,3 десятых, с таким же обязательством доставки в город. За право пасти скот приходилось также платить: со штуки рогатого скота и лошади по 30 коп. и за овцу 6 коп. серебром. В добавление к этой повинности вся деревня обязывалась поставить помещику еще известное число подвод для отправки в город продуктов, полученных с собственного его хозяйства.

Этим длинным списком, однако, не оканчиваются все повинности крестьян-татар. По заведенному обычаю каждый двор был

обязан делать различные приношения или ввиде продуктов своего хозяйства, например: ввиде курицы, ягненка и т. п., или, по просьбе помещика, безвозмездно одолжать ему лишнюю подводу, лошадь. Часто помещики требовали к себе татар в услужение на разные должности и приэтом не платили им ничего. Обязательным считалось лишь питание за счет помещика, да изредка какой-нибудь подарок из одежды.

Что же заставляло крестьян татар безропотно переносить эту тяжелую эксплоатацию? Заставлял их постоянный страх быть выгнанными помещиком и лишиться, таким образом, по его одному слову всего того, в чем они видели до сих пор источник своего существования. Этот страх вынуждал их терпеливо сносить тяжелое помещичье иго и соглашаться на все корыстные требования помещика.

Если сравнить положение этих безземельных степных татар-крестьян с положением товарищей их по несчастью — русских крестьян крепостных, то в некоторых отношениях их положение было во много хуже. Русский крепостной крестьянин знал только своего помещика и на него одного работал. Безземельный же крестьянин татарин не принадлежал никому, и каждый соседний помещик считал себя вправе пользоваться, сколько возможно, его трудом. Этот обычай пришлые помещики позаимствовали у татарских мурз, но пользовались им и более часто и более обременительным для крестьян способом. Вот как об этом рассказывает один степной помещик:[1] „татарин-поселянин был в обязательных отношениях не только к тому помещику, на землях которого он жил, но также и к помещикам смежных имений. С каждым из них татарская деревня заключала договор, по которому обязывалась на один день в году по требованию помещика поставлять известное число работников — „делать толоку". За толоку помещик отказывался от права загонять случайно ашедший на его землю скот татар. Впрочем, толока не давала права пасти скот на земле помещика и не избавляла от ответственности за потраву. Словом, толока не давала татарам никаких положительных прав и только избавляла деревню от

[1]) Ф. Ступ л и. Записки о крымской войне.

вымогательств соседа-помещика, который на поставку рабочих из смежной татарской деревни смотрел только как на свое право.

Получение толоки от всех смежных татарских деревень составляло главную заботу всякого помещика. Сначала употреблялись для этого мирные средства: убеждение и угощение. В этом случае много значил политический талант приказчика: ловкому приказчику удавалось нередко выговорить толоку не только от соседних, но и от несмежных деревень. Иногда, наоборот, и смежные деревни упорно отказывались от толоки: в таком случае от средств мирных переходили к воинственным, состоявшим в том, чтобы захватить на своей земле скот упорствующей деревни, проморить его несколько дней в загоне без пищи и взыскать с хозяина контрибуцию, довольно значительную: по 1 рублю сер. за крупный скот и коп. 5—6 сер. за овцу. Попавшая в беду деревня тут же, обыкновенно, соглашалась заключить условие на толоку. В этой погоне за толокой не считалось дурным, если объезчик успевал захватить скот на чужой земле, пользуясь отсутствием или оплошностью пастуха. Это было тем легче, что и в большей части степных имений никаких признаков межи не существует: „была когда-то борозда, но давно заросла бесследно". Как ни тяжело было такое положение крымских крестьян-татар, им было трудно, однако, чем-нибудь обнаружить свое возмущение. Покоренные войсками дворянской России, еще более чем русские крестьяне забитые помещиками и полицией, они не могли и думать о каком-нибудь сопротивлении. Русские крестьяне, не вынесшие помещичьей неволи бежали от своих господ на далекие окраины, иногда, как мы видели, в тот же Крым. Татарам некуда было бежать, как только за море, к родственным им туркам, куда бежали в свое время при покорении Крыма Екатериной II-й их предки. Нужен был только повод, чтобы это бегство в Турцию приняло большой, народный характер. Этим поводом и была война 54—55 гг.

Царское правительство не только не думало удерживать татар, но своими действиями еще более способствовало этому уходу их за границу. Вознаграждая жителей Крыма, главным образом, помещиков за убытки, понесенные во время войны,

оно ничего не сделало, чтобы поднять разоренные хозяйства крестьян-татар. Татары не получили никакой материальной помощи и даже, наоборот, их положение ухудшилось, так как правительство вскоре после войны перевело крестьянские натуральные и денежные повинности на денежный налог. А откуда могли взять деньги разоренные вконец войной бедные крестьяне?

Часть татар, до 30 тысяч, выселилась еще во время войны, но главная масса двинулась уже после войны, когда явно обнаружилось недоброжелательное отношение к ним правительства. Вот как об этом выселении пишет очевидец: „В 1860 году степные татары поднялись и стали за бесценок распродавать весь свой инвентарь и посевы. В татарские деревни точно саранча налетели охотники до легкой наживы и покупали татарское имущество за ничто. К портам Феодосийскому, Ялтинскому, Евпаторийскому и Керченскому потянулись татарские скрипучие мажары, нагруженные разным хламом, который приходилось бросать по приезде на пристани, так как палубы судов капитаны не позволяли загромождать.

Печальную картину представляли собой крымские степи. В опустелых деревнях только выли собаки, двери в хатах от ветра хлопали, окна были выставлены, крыши раскрыты Ночью, когда полная луна освещала эту пустыню, становилось как-то жутко... Днем приходилось наталкиваться на сцены, поистине раздирающие душу. Вот стоят несколько нагруженных мажар, татарские семейства все, от стара до мала, пошли на кладбище сказать последнее „прости" своим похороненным предкам; эти добровольные изгнанники опускаются на колени, бьют себя кулаками в грудь и целуют землю. Ни воя, ни криков не слышно; тихо струятся слезы по их загорелым лицам; каждый из них берет по горсточке земли с могилы дорогого для них покойника и идет, повеся голову, к своим волам, давно проданным какому-нибудь предприимчивому торговцу"...

Местное крымское начальство получило распоряжение не делать никаких препятствий переселению татар, которое сам царь Александр II-й рассматривал, как „благоприятное" явление к освобождению края от „вредного населения". Это выселение продолжалось весь 1860, 61 и 62 гг. „А татары идут и идут,—

писал другой современник, — целуют землю, плачут, но все-таки идут". За это время вышло за границу из Крыма по сведениям правительства 141.667 человек. Кроме того, из-за Перекопа ушли и кочевавшие в тамошних степях ногайцы. Вместе с ними общее число выселенцев было насчитано в 192.360 душ. В действительности же ушло значительно больше, так как многие уходили, не беря предварительно паспорта и, следовательно, не регистрируясь. По мере того, как все яснее и яснее обнаруживались последствия этого „добровольного", как называли чиновники, ухода татар, дворяне и правительство стали понимать, что такое повальное бегство безропотных работников делается уже невыгодным. В самом деле, в одном Перекопском уезде из 320 селений опустело 278. То же происходило и в других. И вот из Петербурга присылается по повелению царя его адъютант с целью остановить это выселение. Но злое дело было уже сделано, и только меньшая часть крестьян-татар была задержана в Крыму. По подсчету, после того как эмиграция закончилась всех татар в Крыму оставалось всего лишь 102.951 ч. Покинутых татарами селений оказалось 687, из которых в 315 не было совершенно ни одного жителя.

Бедственные последствия недальновидной националистической политики, так тяжело сказавшиеся на благосостоянии Крыма после выселения татар, вынудило правительство предпринять решительные меры, чтобы пополнить роковую для хозяйства края убыль трудового населения. Все земли, освободившиеся за выходом татар, были назначены под поселение; широко вызывались все желающие переселиться из России; обратились и к старому приему — вызову иностранцев. Однако, итоги этой, искусственно созданной колонизации были не особенно велики.

Правда, со всех сторон, по вызову правительства, двинулись новые колонисты, привлеченные слухами о хорошем климате и богатстве земли: шли болгары, эсты, чехи, белоруссы, украинцы и великоруссы. Однако, благодаря плохой организации переселения результаты его были очень скромные. Обещано колонистам было много, а пришли они в почти безводные степи, принадлежавшие к тому же, главным образом, помещикам. Большинство помещиков смотрело на этих пришельцев только как на свою

доходную статью и вместо льгот и разных условий, которые могли бы привлечь их своею выгодностью, требовали вознаграждения за отводимые под поселения земли. Ссуды, выдаваемые правительством (120 р.), были очень недостаточны, губернское начальство обнаружило много нераспорядительности, часто не могло даже указать места, удобного для поселения. Среди пришельцев, не знавших, куда приткнуться со своим имуществом и где обосноваться, развилась огромная смертность, и за немногими исключениями остатки их вернулись домой нищими. Насколько незначительны были итоги первых лет этой колонизации, видно из того, что огромная убыль в несколько сотен покинутых и разоренных селений в течение первых семи лет пополнилась лишь 109 новыми деревнями с общим количеством жителей в 10.126 человек.

Семидесятые годы прошлого столетия были временем огромного перелома в жизни Крыма. Особенно большую роль в этом отношении сыграло открытие в 1876 году Лозово-Севастопольской железной дороги. Проведение этой теперь носящей название Южной железной дороги сильно отразилось на всех сторонах крымской жизни и прежде всего сказалось на изменении характера его сельского хозяйства.

Оно не только получило большой толчок к своему развитию, но в некоторых отношениях и сильно изменилось. Особенно крупным был переворот в характере хозяйства степных районов. До проведения железной дороги скотоводство занимало здесь главное место, а земледелие, за исключением немецких колоний, находилось на довольно низкой ступени развития. Все более возраставший спрос на хлеб как во внутренних губерниях, так и за границей, теперь, при удобстве его сбыта, выдвинул в черноземной степной полосе на первое место земледелие. Оживление хлебопашества повысило денежную стоимость земли; одинаково сильно поднялись и продажные и арендные цены, и это сделало гораздо менее выгодным скотоводство, требовавшее большой земельной площади. Не только пало табунное коневодство и выращивание с промышленной целью крупного рогатого скота, но значительно уменьшилось и разведение тонкорунных овец, поддерживаемое раньше целым рядом правительственных

мероприятий. Оно сохранилось, главным образом, в глухих углах Перекопского и Евпаторийского районов, удаленных от железной дороги. Это изменение характера хозяйства происходило тем быстрее, что не встречало уже противодействия в старых навыках населения: после эмиграции значительно уменьшилось число татар в степной части Крыма, новое же пришлое, равно как и оставшееся русское и немецкое население было преимущественно земледельческим. Развитие земледелия вызвало и рост промышленности, обрабатывающей растительные продукты, в особенности мукомольного дела. В то время, как в конце 70-х годов всех предприятий этого рода по б. Таврической губернии числилось всего четыре с производством в 54 тысячи рублей, в середине 90-х годов их было уже 52 с общей суммой производства в $1^1/_2$ миллиона рублей. Мукомолки сосредоточивались, главным образом, в районе железной дороги—наиболее крупные в Крыму возникли при станциях Джанкой, Курман-Кемельчи, Сарабуз и в Симферополе.

Огромное значение имела железная дорога и для хозяйства горного Крыма. С проведением ее площадь виноградников, равно как и сбыт винограда и вина значительно увеличились. Табаководство, известное в Крыму с давних пор, стало особенно развиваться в конце 70-х годов, когда удобный транспорт открыл широкий сбыт фабрикатов и сырого табаку на фабрики Екатеринославской, Полтавской и Харьковской губерний. В 1871 году под табаком находилось всего лишь 890 гект. давших 635 тонн. В 1886 г. площадь табачных плантаций равнялась уже 4.672 гект. с продукцией в 5.000 тонн.

Однако, больше всего от проведения железной дороги выиграло крымское садоводство. До этого времени вывоз продуктов садовой промышленности из Крыма был очень ограничен, и это всецело объяснялось отсутствием удовлетворительных путей сообщения. Вывозились лишь первосортные плоды некоторых наиболее выносливых видов яблок и груш. Перевозка в войлочной упаковке, на лошадях, по первобытным грунтовым дорогам стоила очень дорого; кроме того, много продуктов портилось в дороге, да и весь товар часто подвергался риску пропасть от внезапных сильных морозов или длительного бездорожья, всегда возможных

в позднее осеннее время года. Значительная часть фруктов залеживалась и пропадала на местных крымских рынках. Естественно поэтому, что площадь садовой культуры была до проведения железной дороги невелика, а местные жители—татары отказывались смотреть на садоводство, как на верный источник средств к существованию, и называли фрукты „гнилым товаром“. Железная дорога, открыв для сбыта крымских фруктов рынки внутри России, произвела большое оживление в садовой промышленности Площадь садов с этих пор начинает расширяться, в долинах речек они постепенно вытесняют существовавшие там виноградники, и уже в 80-х годах производительность их в урожайные годы доходит до 25.000 тонн.

Из других отраслей крымской промышленности заметное влияние оказала железная дорога на развитие соляных промыслов. До ее проведения соль направлялась гужем до мест ее потребления или же подвозилась к портам Азовского и Черноморского морей и затем следовала водными путями. Водный транспорт был значительно дешевле сухопутного, и поэтому богатейшие Перекопские промыслы использовались значительно меньше, чем Евпаторийские, Керченские и Феодосийские. Железная дорога, открыв удобный сбыт с прилегающих к ней промыслов присивашского района, сильно повысила их производительность. С 135.000 тонн в конце 70-х годов продукция крымской соли в течение 10 лет выросла до 343.000 тонн.

Рост крымской добывающей промышленности и связанное с ней развитие обрабатывающей,—рост крымской торговли вызывают усиленный прилив населения в Крым как сельского, так и городского. Колонизационная волна сельского населения идет главным образом, с юга, захватывая украинское и немецкое население материковых степей. В Крыму появляется целый ряд новых поселений и колоний. Опережая рост сельского населения, идет развитие крымского города, растущего не только под влиянием усиления крымской торговли и промышленности, но и в зависимости от все более определяющегося курортного значения Крыма. Насколько значителен был этот рост, показывают следующие цифры для Севастополя, правда, с учреждением в нем порта, находившегося в особенно благоприятных условиях:

в течение 14 лет, с 1875 г. и до 1889 г., население его возросло с 11 тыс. человек до 25.200 человек; жилые строения с 1.850 до 3.700, городские доходы с 46.000 руб. до 309.000 руб. Годовой оборот фабрик и заводов с 704.000 р. до 4.068.000 р., обороты порта с 2.810.000 р. до 44.709.000 р., обороты банков с 7.623.000 р. до 88.800.000 р. Если в начале XIX столетия городское население Крыма не превышало 8% общего числа его жителей, то к концу его оно достигало уже 45%.

Новые условия экономической жизни Крыма вызвали резкое изменение и в социальном укладе его жизни. Старое дворянское с примитивными хозяйственными навыками землевладение лежало тормозом на пути экономического развития Крыма. Об этом ясно можно судить, учитывая ход развития земледелия в пределах прежней Таврической губернии за последнюю четверть века.

Помещичьей земли за Перекопом было всего лишь 442.915 гект. или 21% общего количества. Остальная земля принадлежала крестьянским обществам. В Крыму же, наоборот, земли старых дворянских фамилий составляли свыше 50% всей территории, и это очень неблагоприятно отражалось на развитии крымского земледелия: в то время, как к концу 80-х годов здесь под пашней было всего лишь 32% из общего количества удобной земли, за Перекопом пахоть составляла 94%, из которых 75% приходилось на долю крестьянских хозяйств.

Быстрый процесс развития крымского сельского хозяйства нанес сильный удар дворянскому землевладению, в основе своей не денежному и с отсталыми формами производства. Особенно показательны в этом отношении были последние годы прошлого века: в то время как в 1877 году свыше 1.000.000 гект. почти 50% всей земли, находилось в собственности дворян, к 1905 году площадь дворянского землевладения сокращается больше чем на половину. Аналогичный процесс происходит и с надельными крестьянскими землями. Несмотря на то, что эти земли (представлявшие в 1877 году небольшую площадь, только 9% общего количества земли) по существующим законам не подлежали купле-продаже, площадь их уменьшается за то же время на 40% первоначального количества. На смену старым формам землевладения—дворянскому и надельному крестьян-

скому приходит новая форма частного бессословного землевладения. За ту же четверть века площадь его с 730.000 гектаров вырастает почти вдвое. Характер этого частного землевладения не может вызывать сомнений. Владения размером свыше 500 гект. составляли в нем 53%; от 100 до 500 гект. — 12%; это был вид нового денежного помещичьего хозяйства с более рациональными формами производства и с преобладанием наемной рабочей силы. Новых владельцев дал не только выросший и разбогатевший крымский город, но и выдвинула деревня — преимущественно это были немцы-колонисты, имевшие в своей земельной обеспеченности и в крепости хозяйственного уклада солидную базу для расширения своего землевладения.

Последующие годы, особенно в связи с проведением столыпинского законодательства, еще более содействовали развитию этого процесса и насаждению в Крыму форм частного крепкого землевладения. На почве спроса на землю в эти годы вырастает бешеная спекуляция, взвинчивающая земельные цены и лишающая тем возможности приобретения материально необеспеченное население. Эта земельная горячка одинаково охватывает Крым, но особенно сильно, в связи с развитием курортного значения его, сказывается в его прибрежной части. Здесь утвердился тип сравнительно мелкого по размерам, но доходного дачного землевладения.

Мы видели, что наряду с ростом крупной частной собственности происходил и процесс обезземеливанья крестьянской массы. С продажей надельных земель увеличивалось количество безземельных крестьян, которых, в силу давних исторических условий было в Крыму в процентном отношении значительно больше, чем в остальных местностях б. Российской империи. В 80-х годах всех безземельных насчитывалось 17.461 домохозяйств или 47% всего крестьянского населения. Ко времени Февральской революции этот процент снизился до 40, но общее количество безземельных хозяйств возросло до 25.317. Больше всего число таких хозяйств было в степном районе Крыма. Эта масса безземельных составилась из пришлых русских крестьян, уходивших от собственного малоземелья в Крым, и из местных крестьян-татар, обезземеленных как русскими, так и своими мурзаками-помещиками,

Большая часть безземельных арендовала владельческие земли иногда за денежную плату, но чаще за долю продуктов. Объясняется это, с одной стороны, тем, что последний способ сдачи был во много раз выгоднее для помещиков а, с другой стороны, еще и тем, что малоимущие безземельные крестьяне, затрудняясь в выплате вперед арендных денег, вынуждены были соглашаться на такие условия, какие диктовал помещик. Насколько выгоднее было для помещиков получение арендной платы натурой—долей урожая, видно из того, что почти во всех местностях эта плата, переведенная на деньги, почти в 3 раза превышала денежную аренду. Особенно тяжелой стороной положения безземельных, по-крымски, десятинщиков, была полная зависимость их от произвола помещиков, в особенности, в вопросе о сроке аренды: помещик в любое время мог согнать их с земли, заставить бросить дом и те поля, которые в течение многих лет они, а иногда их отцы и деды, обрабатывали из года в год. И такие случаи бывали нередко, особенно при смене старых владельцев земли. Покупая какое-нибудь запущенное дворянское имение, новый предприимчивый помещик, обладая денежными средствами, старался обыкновенно поставить свое хозяйство на более широкую ногу. Он приобретал хороший инвентарь, выписывал машины, стремился улучшить способы полеводства, и прежний работник имения—десятинщик делался ему ненужен, так как не мог своим бедным инвентарем и хозяйственными привычками удовлетворить требованиям нового владельца. Начав работать посредством найма сел.-хоз. рабочих, помещик безжалостно гнал с своей земли обжившихся на ней десятинщиков. Особенно горько при этом приходилось татарам—исконным работникам этой земли. Многие обширные крымские имения хранили в себе печальную память таких событий—остатки разрушавшихся, постепенно опустевших безземельных деревень и поселков.

Но и помимо этой постоянной угрозы выселения, положение десятинщиков было очень тяжелым. Десятинщики должны были не только отдавать помещику известную долю урожая, которая притом все время из года в год повышалась и ко времени революции достигла почти половины урожая, но отдельно упла-

чивать еще за хату и за право пасти скот. Даже в тех случаях, когда хата была построена самим арендатором, помещик считал ее как бы своей собственностью и в случае выселения или переселения десятинщика позволял ему вывезти только железные и деревянные части, оставив все остальное в сохранности. Этот обычай накладывал особый отпечаток на весь домашний быт десятинщика: в деревнях, населенных ими, не было той домовитости и мелкой домашней хозяйственности, как в селениях земельных крестьян.

Если взять все формы уплаты аренды: долю урожая, плату за хату, выпас скота, денежные „верхи“, выговариваемые сверх доли урожая, и сложить с теми расходами, которые производились десятинщиками, с тем, что затрачивалось на обсеменение, содержание рабочего скота и инвентаря, и вычесть из общей суммы дохода, то окажется, что чистый заработок его был очень незначителен. Он был гораздо меньше, чем можно было получить, продавая свой труд в качестве сельского рабочего. Крестьянин же десятинщик, не учитывая стоимости того огромного труда, который он сам и его семья вкладывали в свое хозяйство, хоть и чувствовал всю тяжесть своего положения, цеплялся, однако, за землю, которую из года в год все на новых, более тяжелых условиях сдавал ему помещик. Оно и понятно — за немногими исключениями это был или давний русский поселенец, или коренной крымский татарин, привыкшие к своей судьбе и своей горькой доле. Имея небольшое, как-будто свое собственное хозяйство, они, несмотря на все чрезмерные поборы эксплоататора-помещика и вытекающие отсюда невыносимо тяжелые условия их трудовой жизни, не переставали считать себя самостоятельными хозяевами, все-таки крестьянами а не работниками, и это чувство крестьянина собственника крепко держало их в цепких руках помещика.

Таким образом, ход исторического развития в конце XIX и начале XX века не только не сгладил, но еще более обострил основные противоречия крымско[redacted] эти противоречия, особенно осложн[redacted]селения, могла лишь великая [redacted]арская революция.

III

Развитие революционного движения в Крыму шло в полном соответствии с особенностями его экономики и группировкой основных общественных сил его. Крымский город, как мы видели, рос, с одной стороны, как административная единица, а с другой — в зависимости от своей посреднической роли в деле сбыта продукции сельского хозяйства, главным образом, в области спецкультур. Немалую роль в его развитии играло и все увеличивающееся курортное значение края. Крупная промышленность, обеспечивающая наличие и сплоченность городского пролетариата, развивалась в нем слабо; некоторые отрасли ее (обработка пищевых продуктов) носили сезонный характер. В своем целом промышленность Крыма приняла вид мелких предприятий кустарного и ремесленного типа, обусловливающего не только разбросанность рабочей массы, но и ее мелкобуржуазную настроенность. В то же время крымская деревня, с ее ярко выраженным характером товарного хозяйства, находилась под властью крупного или среднего собственника, а ее трудовое неимущее население было и экономически, и политически, и культурно подавлено.

На всей территории Крыма один только Севастополь представлял собою возможную базу для развития революционного движения: наличие в нем порта, морской завод со всеми специфическими особенностями крупного производства, наконец, большие кадры матросов военного флота, вербовавшихся, преимущественно, из среды промышленных рабочих и по характеру своей службы являвшихся теми же рабочими, но в военной форме, придавали этому крымскому городу совсем особый исключительный характер.

Еще в первую революцию 1905 года вполне выявилось революционное значение Севастополя не только для Крыма, но и для всего юга Европейской России. В ряде забастовок в промышленных предприятиях города и волнений в морских казармах уже, во второй половине ноября 1904 года обнаружился рост революционного подъема в среде его трудового населения

Организация движения не поспевала, однако, за этим стихийным ростом, что ясно обнаружилось на судьбе первого большого революционного взрыва — восстания на броненосце „Потемкин" 14 июня 1905 года. Активное выступление „потемкинцев" произошло раньше, чем успел сформироваться окончательно намечавшийся план всеобщего восстания судов флота во время выхода его в очередное плавание. Тем не менее отзвуки этого восстания так или иначе сказались и на других судах флота — в самостоятельном выступлении учебного судна „Прут" и временном присоединении к „Потемкину" броненосца „Георгий Победоносец" при встрече их в Одессе.

Неудача этого восстания и тяжелая участь тех его участников, которые оказались в руках царского правительства, не остановили, однако, дальнейшего развития революционного движения в Севастополе. К средине ноября 1905 года оно достигает наивысшей точки своего напряжения: в то время, как слабые выражения революционных настроений в центре Крыма, Симферополе, после 18-го октября постепенно гаснут под влиянием организованного властями разгона мирной манифестации и еврейского погрома, в Севастополе расстрел того же 18 числа демонстрации у стен тюрьмы еще более сгущает атмосферу надвигающейся революционной бури. Она разразилась окончательно 11 ноября после выстрела матроса Петрова, убившего капитана Штейна и ранившего контр-адмирала Писаревского на митинге у зданий морских казарм; этот выстрел явился как бы сигналом к новому восстанию, охватившему значительную часть флотских экипажей и заставившему правительство усумниться в верноподданнических чувствах остальной части гарнизона. Однако, и на этот раз силе стихийного подъема не соответствовала степень организованного руководства восставшими. Оно исходило, главным образом, из меньшевистских кругов, было проникнуто половинчатой, недостаточно энергичной тактикой, полной страха пред возможными эксцессами, и неучитывавшей того сочувствия, которое сказывалось в настроениях пехотных частей гарнизона и масс трудового населения города. В соответствии с этим был характерен и выбор вождя восстания. Им стал по избранию матросов лейтенант П. П. Шмидт, по собственному выражению

„социалист вне партий", горячий и искренний энтузиаст, лишенный, однако, основных качеств революционного народного вождя. При таких именно условиях и произошло трагическое, даже в кровавых летописях 1905 года, событие — расстрел революционного крейсера „Очаков" на Севастопольском рейде и разгром флотских экипажей, стоившие многих сотен матросских жизней. В истории революционной борьбы это восстание сыграло, однако, не малую роль, являясь бесспорным доказательством основного вывода 1905 года, „что только суровые бои, именно гражданские войны, могут освободить человечество от ига капитала, и что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступать и выступят в качестве вождей огромного большинства эксплоатируемых".[1] История того же Севастополя в 1917 г. подтвердила правильность этого вывода.

Как и в 1905 году роль Севастополя в Октябрьскую революцию была исключительной. Он стал в Крыму тем местом, где впервые организованный большевизм свил прочное гнездо среди матросов и солдат гарнизона, откуда он распространяя свое влияние на пролетарские массы всего Крыма. Первые месяцы после Февральского переворота и здесь прошли под лозунгом ожесточенной борьбы с мелкобуржуазными соглашательскими партиями, развернувшими широко свою деятельность по всему Крыму. Наряду с этим некоторым препятствием к развитию в первое время большевизма служили националистические (украинофильские) симпатии части гарнизона и флота. Однако, общие условия жизни как экономические — все более и более увеличивающаяся в Крыму хозяйственная разруха, ложившаяся тяжелым бременем на пролетарские слои населения и сказывавшаяся на снабжении армии и флота, так и политические — возникновение на Дону контрреволюционного Калединского движения — все более и более толкали массы на путь Пролетарской революции. К Октябрю Севастопольский совет и Центрофлот находились еще под влиянием меньшевиков и эсеров, однако, уже тогда, под давлением масс, они вынуждены были признать вполне правильным взятие власти советами. Такое словесное признание в устах представителей соглашательских партий не имело под собой ничего

[1] Н. Ленин. Правда № 18 от 22.I — 1905 г.

реального, и это подрывало к ним доверие масс. Последнее ясно сказалось уже в середине ноября на Черноморском съезде, однако, непосредственным толчком к фактическому перевороту был опыт борьбы моряков с поднимавшей на Дону голову контрреволюцией. Разгром Калединым ростовского пролетариата и неудачный десант матросов, выступивших на его защиту, окончательно раскрыл глаза морякам на сущность происходящих событий — и уже 15-го декабря был образован в Севастополе временный военно-революционный комитет и утвердился советский режим, распространившийся отсюда по всему Крыму.

В то время, как в Севастополе сосредоточивалась, точно в фокусе, революционная энергия Крыма, бывший губернский центр — Симферополь являлся естественным средоточием деятельности буржуазных и мелкобуржуазных его элементов: в лице представителей Временного правительства, губернских комиссаров, Комитета спасения родины и революции и, кроме того, организовавшегося вслед за Февралем Мусульманского исполнительного комитета. Последний являлся выразителем буржуазно-демократических идей в среде татарской народности, однако, с известной примесью националистических тенденций, что в значительной степени в первое время мешало созданию единого буржуазно-демократического фронта. Значение Мусульманского комитета по мере приближения Крымского Октября, однако, увеличилось, благодаря, главным образом, тому, что в его распоряжении оказалась военная сила — крымский драгунский полк, формируемый из татар и пехотный татарский батальон, цель которых, по отзыву Комитета, была „служить умиротворяющим и сдерживающим началом во время могущих быть земельных недоразумений, захватов соляных озер, посевов“ и т. д. В начале ноября Мусульманским исполкомом был организован в Симферополе Крымский революционный штаб, объединивший, в конце концов, вокруг себя активные контрреволюционные силы старой армии и сделавшийся своеобразным органом намечавшейся в Крыму буржуазной диктатуры.

Таким образом, в декабре положение вещей в Крыму определилось следующим образом — в Симферополе действовал Совет народных представителей, избранный в конце ноября на съезде

земств и городов, временный высший орган края, на котором примирилась татарская и нетатарская буржуазная „демократия"; в Бахчисарае с 10 декабря заседал Курултай — татарский сейм как выразитель национальной автономии; гарнизоны из татарских частей, подчиненных Крымскому революционному штабу, стояли по всем, кроме Севастополя, городам Крыма. Оставалось только разоружить в некоторых из них сочувствующие большевизму воинские части и отрезать железнодорожный путь на Севастополь. Севастополь же представлял собою советский остров, единственный на всей территории Крыма, проникнутый, однако, революционным энтузиазмом и встречавший себе сочувствие в массе трудового населения всего Крыма. Вооруженная борьба была неминуема. Она не была продолжительной: при попытке продвижения к Севастополю, военные части Симферопольского штаба были разбиты при станции Алма и уже 13 января власть в Симферополе перешла в руки Ревкома. При содействии морских сил Севастополя произошли перевороты в Феодосии (2/I — 18 г.); Евпатории (15/I) и Ялте. Керчь освободилась из-под власти контрреволюционных сил своими собственными средствами — восстанием солдат гарнизона (4/I). Крым стал советским под именем Республики Тавриды.

Этот первый период советской власти в Крыму, доказавший лишний раз всю мощь революционного сдвига страны, одержавшего победу при тех неблагоприятных обстоятельствах, какие заключал в себе Крым, сменился временем германской оккупации. С этого времени история Крыма представляет собой калейдоскопически пеструю картину разного рода контрреволюционных правительств, в сплошной веренице которой имеется лишь одна брешь — время от начала апреля (9-го) до конца июня (24-го) 1919 г. — второй период советской власти, в результате побед Красной армии над белыми войсками Украины и Дона. Этот почти трехлетний период владычества белых в Крыму явился результатом нескольких условий: окраинным положением его, создававшим из него базу для враждебных сил империалистического Запада, соседством с теми областями Союза, в которых сорганизовались контрреволюционные силы старой России, наконец, особенностями его собственной экономической и социальной жизни.

В эпоху немецкой оккупации вновь подняла голову крымская буржуазия, в лице той же татарской националистической партии и Крымского комитета немцев-колонистов. С утверждением в Крыму германского командования их представители образовали Крымское правительство с премьером ген. Сулькевичем во главе. Верные заветам Временного правительства в отношении Германии, буржуазно-демократические русские партии (к.-д., с.-р., с.-д.) отказались участвовать в этой авантюре; однако, после ухода немцев и прибытия к берегам Крыма английских, французских, итальянских и греческих судов, переброски в Крым с Кубани частей добровольческой армии, их представители заменили собою правительство Сулькевича. Новое Краевое правительство, поддерживаемое французской интервенцией, образовалось в половине ноября 1918 г. В состав его входили преимущественно кадеты.

После отступления из Крыма Красной армии в июне 1919 г. Крым, занятый добровольческой армией Деникина, получает общее устройство наравне с остальной территорией, занятой белыми и, наконец, в конце марта 1920 года после отступления из под Орла и новороссийской катастрофы делается последним прибежищем разгромленных остатков белой армии. Этот последний Врангелевский период истории Крыма лег особенно тяжелым бременем на его население и хозяйство, в конец разрушенное деморализованными частями добровольцев.

Под гнетом военной диктатуры белых революционное движение в Крыму должно было уйти в подполье. Условия подобной работы представляли здесь весьма большие трудности и закончились провалом большевистских организаций, благодаря провокации Ахтырского. Однако, это не могло остановить массового выражения протеста против добровольцев — разложение армии, грабежи и насилия, принудительные реквизиции и мобилизации слишком тяжелым бременем отзывались на населении и открывали ему глаза на сущность контрреволюционной власти. Естественным ответом на это было — отказы идти в белые войска, массовое дезертирство и движение „зеленых", принявшее к лету 1920 года грозный для Врангелевской армии характер, особенно с тех пор, когда партия, вынужденная отступить в городах

перенесла свою деятельность в лес и придала этому движению организованный характер. Начались бои с белыми внутри Крыма, наносившие им значительный урон и вносившие в их ряды панику и деморализацию.

Однако, окончательный удар был нанесен не изнутри, а извне — победным наступлением Красной армии, 12 ноября 1920 года прорвавшей линию Перекопских укреплений и сбросившей противника в море.

Годы гражданской войны и последовавший затем в Крыму голод весьма сильно отразились на хозяйстве края и численности его населения. Войдя с опозданием почти на три года в полосу советской жизни, Крым представлял собою печальную картину разоренного и опустошенного края. Однако, раны эти постепенно залечиваются, и новые формы жизни, продиктованные рабоче-крестьянской властью, дают широкие возможности к быстрому развитию его производительных сил и широкому использованию его исключительного по характеру курортного значения. Автономность Крыма с самостоятельным функционированием комиссариатов земледелия, просвещения, здравоохранения, новое административное устройство с разделением на районы (Джанкойский, Евпаторийский, Керченский, Карасубазарский, Феодосийский, Судакский, Симферопольский, Бахчисарайский, Севастопольский и Ялтинский), разрушившее старое механическое раздробление на уезды и основанное на учете экономики и населения местности, проведение землеустройства, разработка естественно-производительных сил Крыма и ряд мелиоративных предприятий, столь важных при угнетающей его часто засухе, являются наиболее крупными мероприятиями в этом отношении. Вместе с тем, широкое вовлечение татар в политическую и общественную жизнь, внимательное отношение к их хозяйственным и культурным нуждам дают все основания думать об изжитии того нездорового националистического уклона, который являлся естественной реакцией татарского населения на нездоровую политику царского правительства и обусловил авантюристические выступления татарской буржуазии в смутные годы гражданской войны.

Цена 25 к.

КРЫМГОСИЗДАТ. СИМФЕРОПОЛЬ, СОВЕТСКАЯ, 8